

Д.В. Ларкович (Сургут)

И. Кант – Ш. де Виллер – Державин: К вопросу о философских интересах русского поэта

Аннотация. Статья представляет собой комментарий к публикации рукописного переводного фрагмента из книги Ш. де Виллера «Философия Канта, или основные принципы трансцендентальной философии» (1801), который находился в распоряжении Г.Р. Державина. Здесь высказывается мотивированное предположение об авторстве перевода, дается содержательная характеристика документа, а также формулируются аргументы, свидетельствующие о характере державинской рецепции основных идей кантовской этики, воспринятых посредством их популярного изложения в работе де Виллера и получивших оригинальную интерпретацию в ряде его поэтических сочинений 1810-х гг. В качестве приложения приводится сам текст переводного фрагмента, уточняющий круг философских интересов Державина позднего периода его творчества.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, философия И. Канта, Ш. де Виллер, творческая рецепция, онтологическая лирика

Abstract: The article presents a commentary to the published translated manuscript excerpt from Ch. de Villiers' book "Kant's philosophy or basic principles of transcendental philosophy" (1801) which was at G.R. Derzhavin's disposal. In the article suppositions about the authorship of the translation are suggested and a substantial characteristic of the document is given. The author formulates arguments revealing the character of Derzhavin's creative perception of Kant's ethics basic ideas, grasped due to the fact that they were accessibly presented in Ch. de Villiers' work and acquired an original interpretation in a set of his poetic writings in 1810-s. The original text of the translated excerpt is provided as a supplement to specify the circle of Derzhavin's philosophical interests in the late period of his creative carrier.

Key words: G.R. Derzhavin, I. Kant's philosophy, Ch. de Villiers, creative perception, ontological lyric

Современные исследования, посвященные Г.Р. Державину, убедительно свидетельствуют о закономерной активизации интереса к последнему десятилетию его творческой деятельности. К мнению о том, что поздние сочинения поэта есть плод истощившихся усилий пережившего себя гения, впервые высказанному его

младшими современниками¹ и долгое время воспринимавшемся как догма, сейчас уже невозможно относиться всерьез. Всё более и более очевидным становится масштаб творческой личности Державина, который не укладывается в прокрустово ложе исключительно «лирического стихотворца», пусть даже и «крупнейшего». Благодаря системным научным изысканиям, перед читателем шаг за шагом открываются Державин-драматург, Державин-искусствовед, Державин-мемуарист, Державин-мыслитель². Именно последняя ипостась его творческой личности на сегодняшний день нуждается в объективной и полновесной оценке ввиду того, что интеллектуальное наследие Державина (да и сам круг непосредственных источников его философских предпочтений) до сих пор еще во многом не опубликовано или не введено в научный оборот.

К числу таких материалов, – насколько известно, даже не упоминавшихся в работах о Державине, – относится краткое изложение философии И. Канта, которое хранится в личном архиве поэта в фондах Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН³. Этот документ представляет собой беловую писарскую копию, выполненную на бумаге с водяным знаком «FAO» («Фабрика Александра Ольхина») и сшитую в виде тетради, без датировки, с характерной пометой Державина в левом верхнем углу лицевой страницы. Отсутствие точной датировки документа частично компенсирует реконструкция обстоятельств его появления.

Как удалось выяснить, рукопись представляет собой перевод раздела «Заключение» из книги французского писателя Шарля Франсуа Доминика де Виллера (1765–1815) «Философия Канта, или Основные принципы трансцендентальной философии» (1801)⁴. Автор книги, которого революционные события 1793 г. вынудили покинуть пределы Франции, долгие годы прожил в Германии, где окончил Геттингенский университет и стал его профессором. Именно в этот период Виллер близко познакомился с философией Канта, глубоко проникся идеями трансцендентального идеализма и поставил перед собой задачу познакомить с ее основными положениями своих бывших соотечественников. Это намерение, связанное с изданием популярного изложения основных идей кантовской «Критики чистого разума» на французском языке, было обусловлено тем, что французской публике, современнице расцвета национальной философской доктрины эпохи

¹ См. об этом, например: *Кошелев В.А.* «Но, ах, почто так долго жить?» (О феномене «старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник. Новгород, 1995. С. 12–26.

² См. об этом, например: *Альшиллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 65–94, 141–179; *Дёмин А.О.* Корпус драматических сочинений Г.Р. Державина: издания и рукописи // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 3–22; *Западов В.А.* Работа Г.Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // XVIII век. Сб. 15. Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 229–246; *Кулакова Л.И.* О спорных вопросах в эстетике Державина // XVIII век. Вып. 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 25–40; *Ливанова Т.Н.* Русская музыкальная культура XVIII в. и ее связи с литературой, театром и бытом. Т. I. М.: Государственное музыкальное издательство, 1952. С. 150–188; *Сперанская В.В.* Г.Р. Державин о театре и драматургии // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 1. Л.: ЛГПИ, 1974. С. 137–148; *Фоменко И.Ю.* Автобиографическая проза Г.Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // XVIII век. Сб. 14. Русская литература XVIII – начала XIX века в общественно-культурном контексте. Л.: Наука, 1983. С. 143–164; и др.

³ ИРЛИ. Ф. 96 (Державин). Оп. 14. № 25. 10 л. («Заключение. О Кантовой философии»). Далее ссылки на этот документ приводятся в тексте с указанием номера листа.

⁴ *Villers Ch.* Philosophie de Kant, ou Principes fondamentaux de la philosophie transcendente. A Metz, Chez Collignon: Imprimeur-Libraire, 1801. P. 400–408.

Просвещения, был свойственен откровенно снисходительный взгляд на философию соседней Германии¹, только начинавшей стремительное восхождение к вершинам интеллектуального Олимпа. Написанная с целью приобщения франкомыслящего читателя к духу «новой философии», книга Виллера неожиданно нашла горячий отклик на другом конце Европы – в России.

Так, уже в 1802 г. на страницах журнала «Вестник Европы» появилась небольшая анонимная заметка «Кантова философия во Франции», которая была посвящена бурным спорам о Канте, вызванным выходом книги Виллера у него на родине. Здесь, в частности, отмечалось, что «парижские метафизики не хотят принимать ее, находя в ней варварские слова и пустые тонкости. <...> Всего чуднее кажется им, что Кант *время* и *пространство* называет только *формой наших идей!* Коротко сказать, они никак не хотят ясного Локка и Кондильяка променять на тонкоумного Канта»². Сочувственный «парижским метафизикам» тон сообщения и ироничные инвективы в адрес Л.С. Мерсье, единственного «рыцаря Кенигсбергского философа»³, не оставляют сомнения в том, что данная заметка есть переводное извлечение из французской периодики, которое весьма красноречиво свидетельствует о характере рецепции кантовских идей во Франции начала XIX в.

Однако уже вскоре в официальном журнале «Санкт-Петербургский журнал», издаваемом под патронажем Министерства внутренних дел, появилась собственно публикация переводного фрагмента из книги Виллера. Статья, представляющая собой анонимное извлечение из предисловия к «*Philosophie de Kant*», открывалась сообщением о недавней смерти великого философа и содержала самую общую характеристику его заслуг перед человечеством, например: «Он (Кант. – Д.Л.) научил человека различать в себе три источника убеждения, из коих происходят три рода различных удостоверений, смотря по различию предметов: доказательство, для вещей внешних и чувственных; чувство или совесть, для тех, кои принадлежат человеку внутреннему; и наконец вера, для предметов более возвышенных, и кои знаменуются для нравственного и духовного чувства нашего»⁴. Ценность этой небольшой статьи прежде всего заключается в том, что это, по сути, первая в России серьезная попытка привлечь внимание широкой общественности к кантовским идеям (пусть даже и в самом общем виде), что и было подчеркнуто в редакционном примечании: «Издатели <...> уверены, что пиеса сия тем более читателям их будет приятна, что до сих пор на языке нашем почти ничего еще о Канте не было писано»⁵.

Между тем постепенно имя Канта приобретает в России всё большую известность. Уже в первое десятилетие XIX в. читатель получил его первые русские переводы⁶; время от времени появлялись публикации, авторы которых стремились дать оценку основным принципам критического метода кантовских философских

¹ Весьма характерный, например, эпизод приводит А.В. Гулыга о безразличной реакции Наполеона Бонапарта на краткий конспект кантовской философии, составленный Виллером по его собственному приказанию (см.: *Гулыга А.В.* Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 240).

² Кантова философия во Франции // Вестник Европы. 1802. Ч. II. № 6. С. 138–139.

³ Там же. С. 139.

⁴ Емануил Кант. Сочинение Карла Виллерса (Перевод с французского) // Санкт-Петербургский журнал. 1804. № X. Окт. С. 127.

⁵ Там же. С. 125.

⁶ Кантово основание для метафизики нравов. С нем. яз. пер. Яковом Рубаном. Николаев: тип. Черноморск. штурманск. училища, 1803. 177 с.; Иммануила Канта Наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного, в рассуждении человека вообще и характеров народных особенно, служащие к объяснению некоторых мест Вилиомовой практической логики / Пер. Р.М. Цебрикова. СПб.: Театральная тип., 1804. 141 с.

построений, выработать собственные подходы к их осмыслению и интерпретации¹. Печатные суждения о Канте нередко принимали полемический характер, что было сопряжено с приверженностью их авторов к привычным формам позитивно-эмпирического философского дискурса и, как правило, оборачивалось непониманием и профанацией основополагающих принципов трансцендентального идеализма². Однако общая тенденция все же свидетельствовала о неуклонном росте общественного интереса к интеллектуальному наследию Канта и о стремлении соотнести его идеи с современными философскими представлениями.

На этом фоне вполне характерной выглядит очередная попытка публикации перевода упомянутого сочинения Ш. де Виллера: в 1807 г. в типографии Коммерц-коллегии отдельным изданием была напечатана 1-я часть книги под названием «Кантова философия»³, которая представляла собой более-менее точный перевод первых 5-ти глав виллеровской «*Philosophie de Kant*». Исходя из того, что опубликованный фрагмент охватывает лишь пропедевтическую часть книги, очерчивающую общий круг проблем типологического характера («понятие о философии», «о разных определениях философии», «разделение философии в виде науки», «натурализм, эгоизм, дуализм, идеализм и реализм» и т. п.), и завершается как раз перед тем разделом, с которого Виллер только начинает разговор о «трансцендентальном» – базовой категории кантовской метафизики («*idée d'un point de vue transcendental en métaphysique*»), следует предположить, что данное издание является лишь первым этапом незавершенного замысла публикации полнотекстового перевода «*Philosophie de Kant*».

О Петре Петрове, переводчике этой книги, известно мало⁴. Однако на ее авантитуле фигурирует следующее посвящение: «Ея сиятельству княгине Варваре Александровне Шаховской, урожденной баронессе Строгановой. Милостивейшей государыне с истинным высокопочитанием подносит П. Петров». Причина этого посвящения не известна, однако оно все же дает основание для предположения о том, что рукопись «Заключение. О Кантовой философии», находившаяся в распоряжении Державина, также была переведена Петровым.

Так, В.А. Шаховская-Строганова (1748–1823), Кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (малого креста), после смерти отца Александра Григорьевича Строганова в 1757 г. получила крупное наследство (около 10000 душ, соляные промыслы и металлургические заводы на Урале), которое существенно увеличилось при вступлении в брак с князем Борисом Григорьевичем Шаховским⁵. Будучи весьма состоятельной особой, Шаховская активно занималась благотворительностью и содействовала молодым талантам, о чем свидетельствуют «посвящения» в изданиях,

¹ Мнение Фонтенеля о Канте: (Из Сев. пчел.) / [Пер. М.Т. Каченовского] // Вестник Европы. 1805. Ч. 19. № 1. С. 31–35; Система практической философии Христ. Филипп. Рейнгарда... пер. с франц. яз. Семеном Кувичинским. М.: Унив. тип., 1807. 312 с.; *Велланский Д.М.* Пролюзия к медицине как основательной науке. СПб.: В Медицинской типографии, 1805. 81 с.; Эммануил Кант // Журнал для сердца и ума. 1810. Ч. 1. № 1. С. 82–86; и др.

² Подробно об этом: *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 118–143.

³ Кантова философия, переведенная с французскаго П. Петровым. Часть I. СПб.: тип. Гос. Коммерц коллегии, 1807. 93 с.

⁴ Его имя, в частности, упоминается в «Азбучном указателе имен русских деятелей» с пометой «перевод. Канта, 1807» (см.: Азбучный указатель имен русских деятелей для русского биографического словаря. Ч. 2. М-Ф. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1888. С. 150)

⁵ *Купцов И.В.* Род Строгановых. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. С. 78–79.

подобные благодарственной надписи П. Петрова¹. Благотворительные инициативы княгини выражались в том числе и в выполнении авторитетной миссии восприемницы при крещении детей.

В частности, в фондах РГИА (ф. 19, оп. 111, № 125, л. 118 об.) хранится документ, согласно которому «княгиня Варвара Александровна Шаховская» и «действительный тайный советник и кавалер Гаврила Романович Державин» зарегистрированы как восприемники графини Софьи Григорьевны Чернышевой-Кругликовой, которая «родилась 9 и крещена 14 мая 1799 г. в церкви Успения Пресвятой Богородицы, что на Сенной»². Этот любопытный факт наводит на мысль о том, что «кумовские» отношения Державина и Шаховской могли стать условием для более позднего его знакомства с переводчиком П. Петровым, который и мог передать поэту в личное распоряжение неопубликованный фрагмент своего перевода виллеровской «Philosophie de Kant». В пользу этого предположения свидетельствуют и стилевые аналогии, выявленные в ходе сопоставления рукописного и опубликованного переводных источников.

Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что переведенная П. Петровым «Кантова философия» была напечатана в типографии Государственной Коммерц-коллегии, председателем которой Державин, как известно, состоял с 1794 по 1802 г. и связи с которой наверняка сохранил и после своей отставки.

Как бы то ни было, но рукопись «Заключение. О Кантовой философии» была, очевидно, не только внимательно изучена Державиным, но и учтена им в процессе творческой деятельности. Сам текст «Заключения» представляет собой предельно компактное, но весьма информативное изложение основ кантовской метафизики, представленной преимущественно в «Критике чистого разума», ее, так сказать, квинтэссенцию. Содержательно и графически он делится на три части. Вначале автор, обращаясь к французскому читателю, отмечает высокое значение «новой учености» и указывает на ее принципиальное отличие от философии ему привычной. Кроме того, он делает особую оговорку, касающуюся адекватности перевода кантовских идей в их аутентичном терминологическом выражении на язык обыденного миропонимания.

Основная часть документа содержит тезисно сформулированные положения трансцендентального идеализма, в основном – этического характера. Исходя из способности человека к познанию и действию, вслед за Кантом автор приводит классификацию предметов действительности по уровням их гносеологического освоения: феномены (вещи эмпирически и умозрительно постигаемые) и ноумены («вещи в себе»). Особое место в ряду последних принадлежит человеку как носителю нравственного начала. Именно наличие нравственности в человеке, по утверждению Канта-Виллера, и есть верное доказательство бессмертия человеческой души и существования Бога как «законодателя нашей совести» (л. 5 об.). При этом особый акцент делается на том, что нравственный закон как регулятор человеческих поступков заключен в нем самом, а не определяется какими-либо

¹ См., например: *Прокудин-Горский М.И.* Судьба деревенская. Комедия, сочиненная в нравах деревенских жителей. В трех действиях. М.: в Сенатской типографии, 1882. 46 с. (с посвящением В.А. Шаховской-Строгановой).

² *Афанасьев С.И.* «Друзья мои...»: (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII—начала XIX в.) // *Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Истор.-филол. отд.-ние. Пушкин. комис. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29. С. 165.*

внешними факторами, и поэтому в самой свободе нравственного выбора и заключается подлинное счастье человека.

В финальной части «Заключения» Виллер резюмирует данную цепь умозаключений и вновь обращается к читателям, но уже с призывом направить усилия своего разума на познание самих себя, ибо, познавая себя, мы познаем саму истину, заключенную в нас же самих. Именно в этом, по мнению автора, и заключается не только общеметодологическое, но и прикладное значение трансцендентальной философии.

Следует заметить, что если Виллер, знавший труды Канта в оригинале и считавший себя его учеником, испытывал, по его словам, серьезные затруднения при переводе базовых терминов и понятий кантовской системы на французский язык, то еще большие затруднения испытывал русский переводчик при подборе вербальных эквивалентов неизвестного и так до конца и не понятого им кантовского тезауруса. Вот несколько показательных примеров неточностей, допущенных в русском переводе: слово «*phénoménale*» (феноменальный) он переводит как «чуждость» (л. 3); «*la réalité*» (реальность) – как «существенность» (л. 3); «*les propriétés*» (свойства) – как «собственности» (л. 3), «*l'idée et son idéal*» (идея и ее идеал) – как «мысль его воображения» (л. 3 об.), «*la métaphysique transcendente*» (трансцендентная метафизика) – как «высшая метафизика» (л. 3 об.), «*conscience*» (сознание) – как «совесть» (л. 4 об.), «*la dignité*» (достоинство) – как «важность» (л. 5) и т. п. Слова «*des noumènes*», «*nouménale*» (ноумен, ноуменальный) в русском тексте вообще никак не представлены, вероятно, ввиду того, что переводчик сам не смог понять их значение.

И все же, невзирая на шероховатости перевода, общий смысл источника был передан верно¹. По всей вероятности, он мог заинтересовать Г.Р. Державина тем, что напрямую соотносился с кругом проблем, которые так остро волновали поэта в последнее десятилетие его жизни: природа и пути постижения Божественной сущности, предстояние человека Всевышнему, бессмертие души. Именно эти темы были предметом напряженного обсуждения Державина с митрополитом Евгением (Болховитиновым)², а их образное выражение широко представлено в позднем державинском творчестве.

Так, летом 1810 г. поэт создает ряд лирических медитаций этического содержания, опубликованных при его жизни, но не вызвавших сколько-нибудь оживленного читательского и исследовательского внимания. Характеризуя эти «духовные стихотворения» в ряду других сочинений сходной тематики, Я.К. Грот, в частности, ограничивается кратким замечанием о том, что в них «выразилось между прочим мистическое направление, в последние годы жизни Державина более и более овладевавшее им», и поэтому для них «он с большим тщанием собирал материалы и делал выписки из св. писания и сочинений по истории церкви»³. Думается, что данная справка нуждается в уточнении.

¹ О стремлении адекватно передать содержание переводимого источника свидетельствуют подчеркивания отдельных слов и словосочетаний в рукописи, которые точно соответствуют курсивным выделениям в виллеровской «*Philosophie de Kant*».

² *Арефьева Н.Н.* Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1. Сб. науч. докл. СПб.: ООО «Геликон плюс», 1997. С. 35–52.

³ *Державин Г.Р.* Сочинения. С объяснительными примеч. Я. Грота. Т. VIII. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1880. С. 938. Далее все ссылки на это издание (т. I–IX, СПб., 1864–1883) приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

В частности, стихотворение «Добродетель»¹ формально представляет собой классический образец горацианской оды, цель которой, как явствует уже из заглавия, сугубо нравоучительная. Однако автор стремится воздействовать на сознание читателя не прямым дидактическим призывом, а путем развернутой и многосторонней характеристики предмета одической рефлексии, персонифицированного в виде непосредственного адресата поэтического высказывания². Композиция стихотворения логически строго продумана, а ее трехчастная форма подчинена авторской суггестивной установке. В четырех первых строфах следует утвердительная констатация созидательных свойств добродетели в ее, так сказать, абстрактном, всеобщем выражении: «Ты <...> – мужества пример», «Ты – целомудрия зеркало», «Ты – <...> образец благоденствия» (III, 57). Следующие четыре строфы дают представление о том, какие конкретные внутренние метаморфозы испытывает человек, хоть раз познавший радость активной добродетели: в нем укрепляются равнодушие к богатству, стойкость в беде, бесстрашие перед лицом сильного, готовность к самопожертвованию. И, наконец, финальные четыре строфы сообщают о неизбежных последствиях воцарения добродетели на земле, где кульминационный тезис связан с утверждением: именно через добродетель возможен путь человека к «лону Господню», т. е. к бессмертию.

Нетрудно заметить, эта идеально соразмерная композиционная структура подчинена принципу диалектической триады: тезис – антитезис – синтез, что само по себе свидетельствует о методологической эрудиции ее автора. Однако не менее интересен факт откровенного созвучия идеологических установок державинской оды с отдельными положениями кантовской этики, изложенными Виллером. В частности, мысль о том, что «добродетель <...> соединена с блаженством» (л. 5 об.), находит образное подтверждение и в стихотворении Державина: «Добродетель <...> источник сладостей неложных», «Кто раз узрел твои черты, / Твоей пленился красотой, / <...> Тому других красот уж нет» (III, 57) и т. п. Имеется в стихотворении поэтический эквивалент и другой кантовской мысли – о Божественной природе добродетели, который вообще можно квалифицировать как неточную цитату; ср.: «Добро неограниченное есть Бог» (л. 6) – «Добродетель <...> добротой Богу ты подобна» (III, 59).

Но, пожалуй, наиболее убедительным свидетельством того, что основы кантовской этики были органично восприняты и освоены Державиным, может служить седьмая строфа, где автор подводит читателя к мысли о том, что нравственность изначально присуща человеку, и поэтому добродетельные его поступки есть результат естественной человеческой потребности:

Тогда, – как страстны мы тобой,
Каких свойств милосердья чужды?
Смягчаемся сирот слезой,
Не сносим хладно нищих нужды,
Воспитывать детей рачим,
Болезнь и старость облегчаем,
Цвет целомудрия храним,
Ум слепо верою пленяем.
Скорей царь бедность посетит,
Любя тебя, чем дом богатый.

(III, 58)

¹ Сохранилась точная датировка создания этого стихотворения: «Писано 12 июля на Званке» (III, 56).

² Подобную форму поэтического дискурса Державин успешно использовал и ранее: см., например, «Водопад» (1779), «На Счастье» (1789), «Гимн кротости» (1801) и др.

Еще более последовательно кантовская концепция «нравственного закона» прослеживается в стихотворении «Истина», написанном 21 июня 1810 г., т. е. девять дней спустя после «Добродетели». Само понятие «истина» поэт толкует как высший смысл бытия, производный от Божественной сущности: «Есть вечна Истина, – есть Бог!» (III, 62). Однако в отличие от ранних сочинений («Величество Божие», 1789; «Помощь Божия», 1793; «Бессмертие души», 1797 и др.), где истина понимается исключительно как некая абсолютная, надмирная субстанция, здесь, в одноименном стихотворении, она рассматривается и как атрибут внутренней жизни человека. Следуя кантовской логике, Державин выделяет три категории форм бытия («тело», «душа» и «дух»), единство которых объемлется истиной. Обладая врожденной способностью действовать и познавать, которая выражается в «воле мудрой и в желаньях, / И неба, и земли в познанных» (III, 63), человек неустанно стремится к ее полноценной реализации. Конечной целью этой способности и является истина. Полное обладание истиной доступно лишь Богу, однако человек божественно потенцирован в виде нравственных импульсов, и поэтому, постигая истину, человек познает Бога и самого себя. Иными словами, заданное Богом стремление человека к истине и является условием их нерасторжимого диалектического единства:

Есть Бог! Я сердцем осязаю
Его присутствие во мне:
Он в Истине, я уверяю,
Он совесть – внутрь, Он правда – вне.
(III, 62)

Вряд ли все это можно отнести к «мистическому направлению». Скорее здесь следует говорить об особой поэтической метафизике, по своей строгой и системной логике приближающейся к четким рациональным построениям философского интеллекта.

Отзвуки кантовских максим, навеянные переводом из Виллера, можно найти и в ряде других стихотворений Державина 1810 г. («Тоска души», «Явление»). И кроме того есть все основания полагать, что сама идея Богочеловека, полностью заявленная в оде «Христос», возникла в сознании Державина не без помощи трансцендентальной философии Канта.

Как известно, основу этого стихотворения составляет мысль о спасительной роли Божественной потенции, заложенной Всевышним в человеке посредством высокой сыновней жертвы. По справедливому замечанию Э.Г. Эткинды, «философская проблема, решаемая Державиным в оде “Христос”, <...> сводится к противоречивому единству божественного и человеческого начал, а значит, всемогущества и слабости, граничащей с бессилием; бессмертия – и хрупкой смертности; всеведения – и ограниченности, упирающейся в невежество. Эти противоположные начала, выражаясь современным понятийным языком, с парадоксальной трагичностью сосуществуют в Христе, а значит, и в каждом человеке»¹. Важно то, что Христос воспринимается Державиным не как абстрактный идеал, а как непосредственный путь земного человека к совершенству, вполне достижимый и духовно-эмпирически осуществимый: «И чрез пример явил сей свой, / Что <...> правда, вера, добродетель / Ввек провозвестник и свидетель / И блеск неложный света чад» (III, 204). При этом реализацию земной миссии человека, связанную

¹ Эткиндр Э. Две дилогии Державина // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Гаврила Державин. 1743–1816. Нортфильд, Вермонт: Рус. шк. Норвич. ун-та, 1995. С. 245–246.

с «исполнением добродетели», Державин, пожалуй, впервые рассматривает не как *долг* перед Вседержителем, но как результат *свободного волеизъявления*. Да и сама воля Господа, в основе которой абсолютное выражение любви, понимается поэтом как встречное движение к человеку, составляющему цель и смысл Божественного промысла:

Сходил Он к смертну естеству
От уз греховных мир избавить,
На прежней степени поставить
И уподобить Божеству.

(III, 203)

Именно в этом, по мнению Державина, выражается идея Высшей *благодати*; именно в этом он сближается с Кантом, утверждавшим: «Если повсюду имеет место конечная цель, которую разум должен указать априорно, этой целью может быть только человек (каждое разумное существо в мире), подчиненный моральным законам»¹.

Таким образом, в процессе развития онтологических и этических воззрений Державина позднего периода творчества особую роль играли идеи кенигсбергского мыслителя. В распоряжении поэта оказалось одно из первых переводных изложений кантовской философии на русском языке, знакомство с которым пробудило в его сознании встречные творческие импульсы. По всей видимости, Державину оказались близки антропоцентрические акценты в представлениях об отношениях Бога и человека, изложенные в виллеровской интерпретации кантовской метафизики. Это, в частности, отразилось в оде «Христос» и привело к серьезным нареканиям духовной цензуры (III, 209–210) при подготовке ее к печати. Будучи «поэтом по вдохновению» (I, 652), Державин облек свои интеллектуальные построения в форму художественного слова и привел поэтический эквивалент кантовскому понятию «вещь в себе», определив его словом «истина». И если приведенные выше предположения об авторстве перевода «Заключения» соответствуют действительности, можно говорить о том, что знакомство Державина с основами трансцендентальной философии Канта состоялось в период между 1807 и 1810 г.

ЛИТЕРАТУРА

Арефьева Н.Н. Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос». В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1. СПб., 1997. С. 35–52.

Афанасьев С.И. «Друзья мои...»: (Новые биографические сведения о лицах пушкинского окружения из метрических книг петербургских православных храмов конца XVIII – начала XIX в.) // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Истор.-филол. отд-ние. Пушкин. комис. СПб.: Наука, 2004. Вып. 29. С. 152–168.

<Виллер, III. де>. Кантова философия / Пер. с франц. П. Петровым. Ч. 1. СПб.: тип. Гос. Коммерц коллегии, 1807. 93 с.

Гулыга А.В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1977. 304 с.

Державин Г.Р. Сочинения / С объяснительными примеч. Я. Грота: [В 9 т.]. СПб., 1864–1883.

Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Чоро, 1994.

Кантова философия во Франции // Вестник Европы. 1802. Ч. II. № 6. С. 138–139.

¹ *Кант И.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. С. 291–292.

Круглов А.Н. Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: «Канон +»; РООИ «Реабилитация», 2009. 586 с.

Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск: Изд-во «Каменный пояс», 2005. 224 с.

Эткинд Е. Две диалогии Державина // Норвические симпозиумы по русской литературе и культуре. Гавриила Державин. 1743–1816. Нортфильд, Вермонт: Рус. шк. Норвич. ун-та, 1995. С. 234–247.

Villers, Ch. Philosophie de Kant, ou Principes fondamentaux de la philosophie transcendente. A Metz: Chez Collignon, Imprimeur-Libraire, 1801. 441 p.

REFERENCES

Arefjeva N.N. Theological Allusions in the Ode of Derzhavin “The Christ”. In Connection with the Friendship of the Poet and the Metropolitan Eugene (Bolkhovitinov). In: Derzhavin Reading. Issue 1. St.-Peterburg. 1997, pp. 37–52.

Afanasiev S.I. “My Friends...”: (New Biographical Information...). In: Vremennik Pushkinskoj komissii. St.-Peterburg. 2004. Issue 29, pp. 152–168.

Derzhavin G.R. Works: [In 9 vol.]. St.-Peterburg, 1864–1883.

Etkind E. Two Dialogues of Derzhavin. In: Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. IV. Gavriil Derzhavin. Northfield; Vermont. 1995, pp. 234–247.

Gulyga A.V. (1997) Kant. Moscow. 304 p.

Kant I. (2007) Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Frankfurt am Main: Suhrkamp. 343 S.

Kant’s Philosophy in France. *Vestnik Evropy*. 1802. Part II. No 6, pp. 138–139.

Kruglov A.N. (2009) Kant’s Philosophy in Russia at the End of 18th – the first half of the 19th centuries. Moscow. 586 p.

Kuptsov I.V. (2005) The Family of the Stroganovs. Chelyabinsk. 225 p.

Villers Ch. (1801) Philosophie de Kant, ou Principes fondamentaux de la philosophie transcendente. A Metz: Chez Collignon, Imprimeur-Libraire. 441 p.

<Villers Ch.> Kant’s Philosophy / Transl. from french by P. Petrov. Part 1. St.-Peterburg. 1807. 93 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О КАНТОВОЙ ФИЛОЗОФИИ

<ПУБЛИКАЦИЯ Д.В. ЛАРКОВИЧА>¹

Выше прочитанное есть только слабое начертание философии, приносящей честь государству и веку, в котором она произошла, и воздающей даже оную всему человечеству. Я только мог написать главные черты ее как рисунок, изображающий только абрис и сочинение большой картины, конченной и усовершенствованной ее творцом. Мне должно было оставить подробности, которые оживляют, оставить в молчании множество доказательств, изъяснений и целые части, дающие свет и связь всеобщему. Я принужден был довольствоваться только начертанием общего наклона новой учености.

Мне должно было опровергнуть многие места: трудность втолковать французам философию столь отдаленную от философии, всеми ими признаваемой, и требующей умственные разделения мало известные тем, которые привыкли к шарлатанству Кондилиака, к вседневным размышлениям морали, к применяемой политике или к легким размышлениям разума.

Главную трудность нашел в истолковании на языке более всех прочих. Нежнее и острее мысли для него совсем новые и которые не имеют еще названий. Но поистине какой язык на свете доставит приличные выражения для высших соображений? Принужденным находился я употреблять слова вымышленные для предметов создаваемых, дабы оными выразить мысли возвышающие паче всего создаваемого, которые парят над человеком и его понятием; выражения мои, конечно, весьма часто оставались ниже мыслей моих; и на сей случай мне много можно сделать замечаний.

Как несовершенен бы ни был мой труд, но надеюсь, что он дает почувствовать тем моим читателям, которым ученость и строгая нравственность суть вещи неравнодушные, а что ученость и нравственность не могут встретиться на пути, по которому следуют большая часть французских философов; как начало чувств сладострастных ее метафизики, так самолюбие ее морали суть вещи вовсе противные здравой философии; как одна геометрическая аксиома, и чувство нашей вольности и проч. вовсе не согласны с сими так называемыми правилами.

Стало быть, необходимо, ежели хотят возвысить у нас философию до степени, до которой она достигла у наших соседей в наше время; ежели хотят, чтобы она шла наравне с математическими и физическими науками, которые премудрые французы довели до такой высокой степени; ежели хотят выйти из сего круга шарлатанских мелкостей, из которого мы будто бы выйти не можем, неотменно должно прибегнуть к вышней цели. Должно дать новое стремление умствованию философии, обращая оную на глубокие размышления на самого себя, приучая оное судить о существовании вещей по человеку, а существование человека по вещам.

Человек существует. В нем явствуют две способности, познавать и действовать, или знать и желать. Три рода вещей как три последствия предметов все различные истекают из сей двойной способности.

¹ Перевод публикуется по рукописному источнику: ИРЛИ. Ф. 96 (Державин). Оп. 14. № 25. 10 л. («Заключение. О Кантовой философии»). Текст публикуемого материала приближен к нормам современной орфографии и пунктуации. Подчеркивания, выполненные переводчиком, сохранены.

1. Порядок вещей созидаемых и естественных явлений, в сиих находится существенность человеческая и чудесность. Здесь собственности определенные и законы расстояний и времени суть свойства, связывающие предметы между собою, виданы человеком и находятся действительным в предметах, потому что человек их так видит и понимает. Целое сих предметов и сих законов, кои человек относит внешности, составляет природу. На законах человеческого умствования восстановлены науки математические, на законах же разума его установлены науки естественные.

2. Порядок вещей невещественных и веществ понимаемых, которые происходят только от закона самовластия, приложены к свойствам и предметам чувствительным. Здесь не может быть существенностию ни какого рода, ибо мысль его воображения не встречает никакого предмета и опыта возможного, который бы ему соответствовал. Остаются, стало быть, одни только вещества вразумительные и мечты. На мыслях рассудка чистого и созерцания установлена высшая метафизика и теология.

Сии две вещи происходят от познания человеческого и составляют, как он называет, познание.

3. Порядок вещей самих собой, в которых находятся существенность собственная, существенность действительная, естества совсем иного от человеческой существенности. Здесь расстояния, время, свойства, мысли никак не могут быть прикладываемы; здесь познание человеческое ничем послужить не может, человек не может познать вещи, так как они точно есть сами в себе, еси вещи свыше его знания.

Но есть вещь сама в себе, которая явствует человеку. Это он сам; он приметит непосредственно тайным чувством его, иным образом, нежели существа ему равнодушные, без посредства чувствительности его понятия и его общего познания, стало быть, без всякого действия законов мечтательных пространства, времени, материи или законов естественных.

В сей чистой совести его существа он себя находит вольным.

Он чрез сие находит нужду быть счастливым, но подчиненным законам добродетели, властность праведная, которая ничему не подчиняется. Никакое чувство почтения к себе не препровождает чувство благополучия; чувство почтения сопутствует всегда с исполнением долга своего и добродетели.

Еще более это доказывает, что во властности совести чувству есть сие неизгладимое откровение: что одна добродетель достойна благополучия и что благополучие без добродетели не на своем месте. Из сего происходит чувствование, самое глубочайшее и более всех означающее нравственность человеческую и принадлежащее только одной добродетели, важность.

Сие чувствование было бы нелепо, равным образом и всякая другая существенность, я таинственный существенность существ в я было бы только игрою странной нелепой участи, обман мечты; одним словом, человек бы не мог быть, ежели бы сие чувствование важности его не имело бы цели и не должно бы было совершиться, ежели бы добродетель не была бы соединена с блаженством.

Она не всегда, не беспрерывно, но, конечно же, находится в жизни чувственной человека; стало быть, она будет в другой жизни. Сей сорт добродетели и блаженства составляет святость.

Есть, стало быть, вышний Судия, Законодатель нашей совести, справедливость. Добро неограниченное есть Бог.

Следственно, будет порядок вещей, в котором человек подвластен не будет виду осязаемому. Из сего можно понять, что душа его бессмертна.

Что же ему делать в настоящей жизни? – Отыскивать свое счастье, употребляя средства для достижения оно, подчиненные нравственной его совести.

Но чтобы сделать себя достойным благополучия исполнением добродетели.

Стало быть, Кант в его морали поставил почтение себя вместо самолюбия. И против всех других моралистов и теологов, которые всегда говорили человеку: «Есть праведный Бог, которой наградит или накажет твою бессмертную душу, стало быть, должно тебе наблюдать его заповеди и законы строгой нравственности», – новой же мудрец говорит: «Ты есть вещество нравственное, ты в себе заключаешь заповеди и законы нравственности строгой, стало быть, есть Бог праведный, которой наградит или накажет твою бессмертную душу». Из сего оборота видно, что вся превосходность на стороне Канта, который сохраняет нравственность и закон от рассуждений и догадок, а непревосходность на стороне других теологических моралистов, которые принуждены были употребить прежде рассуждения и умозрение, дабы на оных восставить существование Господню, которую никакое рассуждение, никакая догадка утвердить не может.

Таким-то образом, критическая философия открывает нам самые глубочайшие тайны человека познающего и действительного; она нам доказывает, что человек в себе заключает законоположения физического и морального порядка, стало быть, все то, что ему нужно и в сей, и в будущей жизни. Она нам доказывает сие высокое толкование, сие любимое слово древних, сию известную надпись, вырезанную на одной из дверей Аполлонова храма: «ПОЗНАЙ СЕБЯ САМ СОБОЮ».

Чрез сей-то повод мы находим науку и премудрость, вообразительное и настоящее жизни нашей.

Мы подлинно имеем только основанием наших познаний наше воображение. Как достигаем мы, чтоб из оно сделать существование? – Разбором самого того же воображения. Но откуда приходит к нам сие воображение, общее на все причины, принадлежащие и конец имеющие? – Конечно, от причины всемирной, бесконечной, которая явствует всем причинам, конец имеющим.

Но можно ли сие доказать? – К счастью, что нет, без чего бы сие было бы несправедливо, по крайней мере, несправедливо само в себе; чтобы была истина от истины человеческой и чудесной.

Но какое бы было средство, чтобы в сем увериться? – Тот может её познать, который сам себя спросит чистосердечно, углубится в размышлениях и который достигнет до средоточия его существа, к сему месту, величественному и спокойному, куда влияния чувств достигнуть не могут. Тот найдет сию Божественную истину в собственном своем существовании. Там та находится настоящая существование, самая та, которую мы можем достигнуть и которая нам нужна. Человек искал кольцо свое, а имел его на руке своей. Сей человек есть разум человеческий. – Мы в себе заключаем все начала наук, имеем Бога, свободу, бессмертие, добро и никогда почти сего не замечаем. Отчего? – Оттого, что простираем взор нашего внимания вне себя. Обратим его на самих себя, рассмотрим себя, познаем себя. – Вот вся философия.

Сведения об авторе:
Дмитрий Владимирович Ларкович,
докт. филол. наук
декан филологического факультета
Сургутский государственный педагогический университет

Dmitriy V. Larkovich,
Doctor of Philology
Dean of the Philological Faculty
Surgut State Pedagogical University
dvl10@yandex.ru